ПОЛИС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ф. Э. Шереги

Перспективы развития русского этнического сознания

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sheregi_perspektivy.pdf

Перепечатка с сайта Центра социального прогнозирования и маркетинга
http://www.socioprognoz.ru

URL:http://www.civisbook.ru

В течение последних 100 лет судьба русского этноса и перспективы российской государственности не перестают быть предметом острых дискуссий отечественных и зарубежных обществоведов. При этом дебаты о протекающих в стране процессах ограничиваются, по мнению Ф.Э.Шереги, рамками политологии и чаще всего разворачиваются на том или ином идеологическом фоне. В статье, предлагаемой вниманию читателей, обосновывается гипотеза, согласно которой прогноз дальнейшего развития России должен опираться на этносоциологическую модель, рассматриваемую в контексте общественно-экономических формаций. Редакция приглашает авторов и читателей "Вестника" к обсуждению затронутых в статье проблем.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Ф. Э. Шереги

Подавляющее большинство современных социологов, объясняя происходящие в России социальные процессы, исключают разработанную Л.Н. Гумилевым теорию этногенеза и предают забвению концепцию общественно-экономических формаций К. Маркса.

Неприятие этносоциологии, которая расценивается подчас как "расистская теория", заставляет вспомнить известный постулат - не признавать истинность даже математических формул, если они противоречат теологическим парадигмам. Подобный подход сводит к минимуму научную ценность социальных прогнозов, поскольку при этом игнорируется важнейший элемент эволюции общества.

В свою очередь, отвергая упомянутую концепцию Маркса, исследователь обречен лишь на созерцание социальных явлений. Он не в состоянии построить исторический "каркас" цивилизационного здания, вникнуть в суть законов развития общества.

Как известно, любой процесс познания (тем более, системных объектов) требует не только определения его структуры, "контура". Чтобы получить статистическую или динамическую "контурную" модель, необходимо найти минимальный набор "кульминационных точек", благодаря которым можно построить максимально упрощенную структурную модель, соответствующую принципам системы, полностью адекватную форме объекта и позволяющую его распознать [1].

Проиллюстрируем сказанное наглядным примером. Выберем в качестве объекта "рыбу".

На рис. 1 и 2 видно, что минимальный набор кульминационных точек для рыбы - семь; объединив их прямой, мы получим модель, по которой безошибочно угадывается объект. Кроме того, она может быть выражена при помощи математических формул линейных функций (уравнений).

ШЕРЕГИ Франц Эдмундович - кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

В социологической гносеологии подобную роль выполняют категории, обозначающие пять общественно-экономических формаций. Именно они позволяют делать прогнозы относительно направлений развития цивилизации (иными словами - истории).

Для обоснования перспектив развития Россия мы используем гносеологические модели, сочетающие теории этногенеза и общественно-экономических формаций. "Соединение" этих дву> концепций осуществляется при помощи научны? категорий, которые обозначают кульминацией ное состояние "классических" социальных типо! личности, представляющих этносы с доминант ным генотипом[1], характерные для пяти общест венно-экономических формаций. (Подробнее с наших взглядах на систему упомянутых форма ций см. [3].)

Рассматривая эволюционные процессы в Рос сии, мы используем категорию "массовое созна ние". Выбор данной категории не случаев Во-первых, являясь основным предметом идеоло гических усилий политических институтов, мае совое сознание интерпретируется весьма произ вольно и противоречиво; во-вторых, именно нему апеллируют большинство современны "россиеведов"; наконец, в-третьих, - это удобны индикатор, зеркально отражающий социальну! практику [4].

Попытка исследовать массовое сознание нас(ления России как нечто одноплановое, изменяй щееся исключительно под "стимулирующим воздействием политических институтов, привел бы просто-напросто к бесплодным теолого-схс ластическим рассуждениям. Данное социально образование, как и всякое другое, имеет мноп

[1] Сложность построения категориальных моделей связана тем, что они "подчиняются" диалектической, а не фо мальной логике. Еще Ф. Тэкеи отмечал, что выделен К. Марксом именно пяти формаций не случайно и соотве ствует закону отрицания отрицания: первые три формац образуют итог, отрицаемый двумя последующими [2].

плановую, сложившуюся в процессе исторической эволюции структуру. Ее образуют пять исторических состояний, доминирующих в рамках пяти общественно-экономических формаций: эстетическое, этическое, религиозное, этническое и экологическое. При этом эстетическое и экологическое состояния могут быть использованы только как гносеологические категории, поскольку представляют собой лишь способы отражения действительности, не имеющие предметной идентификации и проявляющиеся в остальных формах. Например, религиозное сознание есть первичная форма экологического, отражение отношений отчужденной личности и персонифицированной в образе Бога целостной природы.

В основе этической формы массового сознания лежат взаимоотношения групп населения, сложившихся в результате общественного разделения труда по поводу опосредованного социальными институтами распределения прибавочного продукта.

Религиозное массовое сознание включает в себя "отношения" между социальной экосредой и характером генетической (природной) адаптивности личности. Именно поэтому содержание религии составляет мораль, которая несет важную регулятивную функцию в стремлении масс к выживанию. Отсюда, при абсолютности принципов морали, проистекает ее предметная вариабельность - истинность для разной, порой диаметрально противоположной социальной практики поколений.

Этническое массовое сознание отражает "взаимодействие" генетически заданной соматической конституции личности и межэтнического разделения труда[2] .

Для понимания дальнейших умозаключений следует отметить: та или иная форма массового сознания, присущая социальным общностям, доминирует не только на соответствующих стадиях исторического развития, но и на стадиях саморазвития отдельного этноса. Разница лишь в том, что этнос, зарождающийся на более поздних витках цивилизации, "проходит" самый длительный этап образования определенного вида массового сознания в сжатый исторический срок. И чем позже это случается, тем короче этап. Иное дело, что он обязателен: это такая же объективная необходимость, как младенчество, детство и юность для личности.

Из сказанного вытекает, что отдельные формы массового сознания есть результат онтогенеза этносов до их полного расцвета. Однако более зрелые формы ранние этносы способны "освоить" только путем филогенеза, под воздействием объективного межэтнического разделения труда, преломляя их через собственную специфическую социальную практику [5].

[2]Для ясности уместно прибегнуть к грубому аналогу: болонка и овчарка - собаки, но при всей генетической общности их "исполнительские" возможности разные.

Рис. 1. Полный набор кульминационных точек объекта.

Рис. 2. Геометрическая модель объекта.

Соответственно, поздние этносы содержат в потенциале своего онтогенеза все предшествующие формы массового сознания и социальной практики и "проходят" через них в обязательном порядке (хотя и ускоренно). При этом на определенных исторических этапах воспринимают каждое состояние как органически им присущее. Искажается только форма последнего под филогенетическим влиянием социального опыта более ранних этносов.

Согласно этой гипотезе, все исторические состояния русского этноса были закономерны, естественны, органичны. Прежде чем рассмотреть перспективы развития России в свете этносоциологии, остановимся кратко на понятиях, имеющих непосредственное отношение к предмету нашего разговора. Речь идет о категориях "русский", "великоросский" и "славянский". Большинство авторов не подвергают сомнению тот факт, что русские - славяне. Однако существует и иная точка зрения. Так, Ф. Нестеров считает "великороссами" тех, кто в отличие от своих славянских предков имеет корни в Московском великокняжестве (со времен Калиты), и предлагает, чтобы не было путаницы, называть представителей этноса "московиты" [6]. (Кстати, такое обозначение давно используется в лексике многих славянских народов.)

Л.Н. Гумилев идет еще дальше. Он утверждает, что с позиций этнологии русские вряд ли являются славянами, как, например, украинцы. Во-первых, доказано полиэтническое происхождение русских, сформировавшихся как этнос из русов, древних славян, скандинавов и, вполне вероятно, населения еврейского государства Хазарский каганат [7, с. 543 - 547]. Кроме того, согласно закону генетического развития, если русы являются доминантным генотипом, то древние славя-

не составляют лишь "оболочку" для его этнического созревания, которую тот "сбрасывает" с себя постепенно, по мере развития этого процесса.

На наш взгляд, принятые обозначения русов - "русские", "великороссы", "московиты" - отражают три самостоятельных этапа эволюции русского этноса - от первичного смешения русов с древними славянами, через создавших унитарное государство и ныне переживающих кризис этнического распада московитов, до обладающих доминантным генотипом и кристаллизующих сегодня свою этническую идентичность на территории Сибири великороссов.

К подобному заключению подводят также дискуссии, зародившиеся еще в 20-е годы в рамках теорий евразийства [7, с. 7].

Искаженность форм и внешнее несоответствие социальной практики России внутреннему духовному состоянию русских были вызваны тем, что цивилизация (в виде социального опыта более ранних этносов) опережала этапы исторического становления их массового сознания. Попытки ускоренного "втаскивания" России в капиталистическую формацию и максимальное нивелирование непосредственного воздействия на население международного разделения труда привели к тому, что в стране сложилась своеобразная эклектическая социальная практика. В деревне имел место азиатский, то есть рабовладельческий способ производства (при этом в массовом сознании крестьян зарождались элементы мифологии в виде абсолютизации и персонификации социальных институтов), а в городе - феодальный, в рамках которого доминировало религиозное массовое сознание.

Следует подчеркнуть, что социализм - не формация, а только политическая система, которая возникает в государствах с отсталой социальной структурой, пытающихся "вписаться" в капиталистическое международное разделение труда путем централизованного изъятия максимальной доли национального продукта в государственный бюджет и его дальнейшего целевого перераспределения. Поэтому в России и после революции продолжалось создание материальной базы капитализма под воздействием принуждающего механизма филогенеза. Очевидно, что социальные процессы в СССР были обусловлены объективными причинами, связанными с экономическим развитием страны с отсталой социальной структурой. Например, возрождение крепостного права в деревне в 20-е годы было вызвано необходимостью изъять средства для интенсивного промышленного прорыва, а также урбанизации и милитаризации государства. Расширение сырьевой базы промышленности в 30-е годы потребовало депортации дешевой рабочей силы в Сибирь. А освобождение в связи с образованием "дружественных социалистических стран" огромной массы военнопленных в конце 40-х годов потребовало восполнения дешевой рабочей силы и привело ко второму всплеску репрессий. Что касается политических драм и спектаклей сталинского режима, то они, по сути, представляют собой лишь идеологический камуфляж, соответствующий господствовавшей тогда форме массового сознания. Такой вывод следует из ряда научных заключений, в том числе сделанных К. Марксом еще в "Немецкой идеологии".

Мог ли быть иной путь? Мог, в форме государственного капитализма, который бы привел либо к многолетнему закабалению России другими странами, либо - через два - три десятилетия - к новой революции в виде национально-освободительной войны и, скорее всего, к повторению в общих чертах пройденного сталинского пути.

Почему же массы, сами творившие десятилетиями свою историю, начинают, подобно взрослеющему подростку, охаивать недавних политических кумиров, социальные институты и идеологические системы прошлого?

Свойство мифологизированного массового сознания персонифицировать общественные отношения (являющиеся предметной формой выражения отношений распределения) или приписывать природу их происхождения социальным институтам - основная причина перманентного отрицания собственной истории, что на деле сводится к огульному отрицанию символов исторического процесса. Подобную социальную практику уместно сравнить с "моделью" синайского козла отпущения, к которому все грешники норовят притронуться, дабы передать ему свои грехи.

Ни политики, ни партии истории не делают - эта истина банальна. Их историческая роль в том, чтобы интуитивно уловить и выразить стремление населения к таким общественным отношениям, которые воспринимаются массовым сознанием как социальная справедливость в реализации распределительных отношений.

Примечательно в этом смысле достаточно "спокойное" поведение жителей России, что, на первый взгляд, кажется удивительным, поскольку 80% населения не удовлетворены ходом реформ[3]. Дело в том, что уравнительные распределительные отношения, господствовавшие в России в течение десятилетий, не изменились до сих пор. Взамен разветвленного в прошлом "министерского механизма" правительство сейчас само перераспределяет бюджетные средства, пополняемые за счет сверхналогов. В итоге, как свиде-

[3] Здесь и далее приводятся данные всероссийских опросов, проведенных Центром социального прогнозирования в 10 регионах страны (от Приморья до Калининградской области). Выборка - в среднем по 1.6 тыс. человек в каждом исследовании.

тельствуют данные статистики, среднемесячный доход на одного члена семьи у предпринимателей всего в четыре раза превышает аналогичный показатель у пенсионеров, а доходы остальных групп населения "втиснуты" в эти рамки. Официально регулируемый заработок не вызывает чувства социальной несправедливости. Все остальные виды доходов массовое сознание причисляет к сфере девиации и воспринимает их в качестве индивидуальной формы поведения, требующей не тотального противодействия, изменения общественных отношений, а лишь административных мер.

Порожденная массовым сознанием и закрепленная в господствующей идеологии модель социальной справедливости зависит от уровня производительности труда и величины производимого национального богатства. Низкий уровень производительности труда допускает лишь уравнительное распределение и доминирование стадного инстинкта выживания. Как подсознательная реакция на условия, в которых пребывает зарождающийся этнос, этот инстинкт по своей форме не отличается от такового у этноса, достигшего своего расцвета в онтогенезе и пытающегося уберечь себя от филогенетического воздействия нового этноса с доминантной генетикой. Поэтому столь схожи по форме советский социализм и немецкий фашизм, хотя по сути они различны: для России психология стадного выживания была временным, преходящим состоянием (впрочем, оно не до конца изжито), для германского этноса как классического представителя феодальной формации (по Марксу) - это национальная и притом единственная форма выживания.

Нынешний переход к капиталистическим общественным отношениям в России закономерен. Он порожден достигнутым уровнем общественного разделения труда, вступлением в жизнь нового, более грамотного поколения, чувствующего себя потенциально способным конкурировать на международном рынке. То, что недавно называлось "перестройкой", а сейчас реформами, на самом деле представляет лишь попытку бюрократии как класса (частная собственность бюрократии - государство) "перегруппировать" свои ряды под натиском объективных изменений в сознании масс, спасти свои источники дохода.

Подавляющее большинство политических баталий отражает не столько настроения масс, сколько попытки бюрократии занять кресло поудобней.

Видимо, правомерен следующий вывод: длящиеся в стране целое десятилетие реформы есть не что иное, как спасение партийной номенклатурой "своего" места в рамках новых распределительных отношений, назревающих по давлением русского этноса. Иной вопрос - насколько эти отношения являются "русскими". Похоже, что русский этнос вновь вынужден прибегнуть к ядовито осуждавшейся Чаадаевым исторической практике, когда модель государственности заимствуется у другого (еврейского) этноса, стоящего у истоков современной цивилизации. Государство под названием СССР было, скорее, схоже с империей чингисидов, а по форме - с функционировавшим согласно принципам еврейской государственности Хазарским каганатом. Этническую основу СССР преимущественно обеспечивала генетическая наследственность растворившегося в русском (и только в нем) татаро-монгольского этноса. Здесь же уместно отметить свойственное русскому этносу перманентное отрицание политических институтов власти, своего рода правовой нигилизм. "Юридическая личность у нас, можно сказать, едва народилась и продолжает и теперь поражать своею пассивностью, отсутствием почина и грубейшим, полудиким реализмом. Во всех слоях нашего общества стихийные элементы подавляют индивидуальное развитие", пишет К. Кавелин [8].

Что же происходит с массовым сознанием русских сегодня?

Этническое взросление стимулировало их к поиску новых форм реализации своего генетического потенциала. Без этой "материальной" базы в массах никакие силы "сверху" не могли бы заставить отказаться от десятилетиями внедрявшихся в сознание людей и фанатично воспринимавшихся ими идеалов. Речь только о русских потому, что для остальных, особенно "неславянских", народов, находившихся в своеобразной колониальной зависимости, эти идеалы были "кесаревы". Народы Прибалтики жили идеями капиталистических отношений, народы Азии - феодальных. Поэтому не случайно, что именно Россия явилась инициатором распада СССР как "скорлупы", в которой ей стало тесно. Но эти изменения не прошли бесследно. "Отказ" от наивно-теологического (отчасти мифологического, отчасти религиозного) массового сознания, с потрясающей силой изображенного А. Платоновым в "Чевенгуре", привел к тому, что "инонациональные" народы России стали искать равновесие в рамках своих традиционных религиозных или этномифологических воззрений. Это вызвало всплеск национализма, подпитываемого подсознательной генетической боязнью народов, не знакомых с практикой капитализма, новых форм общественного разделения труда и распределительных отношений.

Что же касается русских, то их массовое сознание приобрело черты нигилизма, своеобразной "бессодержательности", наступающей в результате утраты предмета религиозной веры (независимо от того, Бог это или коммунизм). С отказом

Таблица 1. Степень социального дискомфорта населения, %

Оценка ситуации в СССР (1990 - 1991) и в России (1992 - 1994)	Время проведения опроса					
	1990 апрель	1991 апрель	1992 апрель	1993 апрель	1994 февраль	1994 июнь
Обычная	3	2	3	5	6	6
Тревожная или близкая к кризисной	25	22	33	23	24	27
Кризисная или катастрофическая	69	73	60	68	65	62
Затруднились ответить	3	3	4	4	5	5
Суммарная отрицательная оценка ситуации в стране (строки 2 + 3)	94	95	93	91	89	89

от идеалов отбрасывается и мораль, составляющая содержание последних. Личность становится сама себе судьей, ибо общество не обладает больше средством морального воздействия на своих членов, лишившихся общественных идеалов. Люди теряют чувство социального равновесия, ощущают распад социальной экосреды, что выражается, главным образом, в следующих массовых синдромах.

Во-первых, это перманентное и устойчивое беспокойство, выявленное нашими опросами еще в годы перестройки и наблюдаемое по сей день (см. табл. 1).

Во-вторых - вызываемые общественной ситуацией страхи (см. табл. 2).

Спроецированная на общественные отношения боязнь преступности и гражданской войны отражает не столько реальную ситуацию, сколько разную степень нигилизма, охватившего значительную часть граждан. Компенсировать регулятивную роль утраченной коммунистической идеологии религиозной моралью удалось лишь отчасти - веру в Бога как ценность, по нашим данным, сегодня признает всего 21% населения. А гражданское правосознание пока не сложилось, поскольку нет предметной основы - частной собственности как меры общественной свободы и общественных ограничений личности в условиях товарно-денежных отношений. Без этого любые правовые кодексы нередко становятся просто фикцией, равно как и демократия без соответствующей производительности труда и подлежащего распределению национального богатства. Право свободно выражать свои мысли - еще не демократия, это данное природой, но попираемое тоталитарными системами право личности. А вот право свободно выражать свои мысли по поводу принципов распределения прибавочного продукта - это демократия.

Таблица 2. Спроецированные на общественные отношения страхи россиян, %

Чего опасается население	Время проведения опроса			
	1992 сентябрь	1993 апрель	1994 февраль	1994 июнь
Гражданской войны	62	52	22	45
Роста преступности	82	47	54	49
Нищеты	28	23	43	42
Возможности стать безработным	25	17	24	28

Формирование правосознания как этического состояния массового сознания требует наличия не связанной со стадной психологией и общинными традициями личности капиталистического типа, чья персонификация может произойти только в случае ее предметной идентификации с частной собственностью. Необходимость такого фактора социального равновесия в назревающих общественных отношениях интуитивно чувствуют и массы. Об этом свидетельствуют данные опросов. За кратчайший исторический срок (два - три года) доля тех, кто поддерживает частную собственность на землю, достигла 74%, приватизацию государственной собственности - 54%. Вторая цифра могла быть и выше, но здесь сказывается то обстоятельство, что люди настороженно относятся не к самому факту, а к механизму приватизации (по мнению более 80% опрошенных, она сейчас выгодна лишь "теневиками" и госаппарату). В условиях массового нигилизма население воспринимает переход к рынку как неизбежное принуждение со стороны тех, кому "видней". Не случайно, в политических движениях сегодня согласны участвовать около 3%, тогда как введение сильной президентской власти поддерживают до 60%, а в некоторых регионах Сибири и Дальнего Востока - до 70% россиян.

По мере реализации рыночных реформ на развитие этической формы массового сознания будут влиять прежде всего сдвиги в социальной структуре. Речь идет об углублении противоречия между городом и деревней в связи с саботажем сельских производителей (что уже имеет место), а также с тем, что разорительное действие

рынка коснется примерно 20% "лишнего" сельского населения России. Кроме того, усилятся противоречия: между рабочими и крестьянами -с одной стороны, и бюрократией как классом -с другой, чему в немалой степени будут способствовать изменения источников доходов последней; между классом новых собственников и наемной рабочей силой по поводу принципов перераспределения прибавочного продукта; между русским этносом и остальными народами России, поскольку они не смогут достаточно эффективно включиться в новое общественное разделение труда; и, наконец, между Уралом и Сибирью как "держателями" сырья и европейским регионом страны как преимущественно потребителем. В данном случае на экономическое противоречие наложится и этническое: между "кристаллизующимся" сибирским этносом великороссов и хиреющей под гнетом социальных норм части "европейских" россиян.

Результаты опросов позволяют сделать некоторые предположения относительно тенденций развития этнического сознания наших соотечественников. Судя по всему, мессианский характер оно утратило, однако черт, свойственных гражданам национальных государств, еще не приобрело. Так, советским человеком продолжают чувствовать себя 9%, гражданином России - 47%, а 38% респондентов до сих пор не знают, кем себя считать. При этом большинство равнодушно к атрибутам российской государственности. Отсутствие границ, "нератифицированность" герба, незнание гимна и т.д. волнуют разве что казаков. Собственно русское население индифферентно к государству, и это соответствует его генетической тяге к анархии не в вульгарном смысле, а в смысле исторического отрицания всякого насилия человека над человеком, даже в форме социальных институтов [9].

Основные сдвиги в социальной структуре и вызываемые ими изменения в этическом сознании будут относительно скоротечными - в течение жизни двух - трех поколений. Что касается развития этнического сознания в результате активного включения страны в международное разделение труда, то этот процесс, как нам кажется, будет разворачиваться в историческом споре между двумя суперэтносами: достигшим своего расцвета еврейским и находящимся на стадии становления, но являющимся доминантным генотипом - русским. Подобное соперничество ставшего к началу XX века доминантным генотипом еврейского этноса с завершившим свое онтогенетическое развитие германским едва не закончилось трагедией. Как поведут себя нынешние суперэтносы, покажет время. Для русского пока вообще не ясно, идет ли он (не имеющий сегодня кроме языка иного существенного критерия этнической самоидентификации) по традиционному пути развития, что предполагает становление генетически четко обозначенной соматической конституции личности, или же о нем можно говорить как об абсолютно открытом генотипе, реализующем себя благодаря саморастворению в других этносах.

Первый вариант таит в себе угрозу перерастания русского этнического сознания в жесткий, непредсказуемый по своим последствиям национализм в рамках мощной государственности. Второй будет способствовать тому, что оно приобретет своеобразный "интернациональный" характер. Это воплотится в массовом миграционном синдроме и стремлении к межэтническим бракам.

На наш взгляд, обе тенденции сегодня органически присущи России, и каждая угрожает ей расколом. Европейская часть русских может сплотиться в этноцентрическое национальное государство, которое в условиях жесткой борьбы за защиту своего национального рынка выродится в государство фашистского типа, а сибирские великороссы, ценностные ориентации которых в значительной степени отличаются от ориентации их европейских соотечественников, образуют собственно русское государство.

ЛИТЕРАТУРА

1 . *Дертоузос М.* Пороговая логика. М.: Мир, 1967.

2. *Tokei F.* A tarsadalmi formak marxista elmeletener ne-hany kerdese. Budapest: Kossut, 1977.

3. *Шереги Ф.Э.* Гносеологический кризис в социологии: от теологии к мифотворчеству // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 7.

4. Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1988.

5. *Келле В Ж., Ковалъзон М.Я.* Теория и история. М.: Политиздат, 1981. С. 49.

6. *Нестеров Ф.Ф.* Связь времен. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 15.

7. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: Экопрос, 1993. С. 543 - 547.

8. *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 314.

9. *Бакунин М.И.* Исповедь. Собр. соч. и писем. В 4-х тт. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934 - 1935.